

К Дню Победы

Всем смертям назло

на

война?
одна,
на
облаках
жесткой и
отцов...
войне
погибли
их юнцов?
оно:
«Война»
е одна,
о свету...
планету?
только
она.
одна,
Речка.

Жажуло так, что в ушах раздавался звон, постепенно переходящий в непрерывный гул (сорри, семь лет прошло, а этот звон не забывается, вроде и не прошел до сих пор). Градом сыпалась комья земли, била по голове, спине, ногам. Хотелось совсем закопаться в эту сырую землю, чтобы не видеть всего, что творится, не слышать, не знать. «Господи, помоги и помилуй», — снова и снова мысленно обращался к Всевышнему Антон. До этого вроде и не веровавший ни в бога, ни в чорта... Бомбенка не прекращалась, и, казалось, никогда не наступит отбой и тишина.

Антон Лаврентьевич Черепанов не может говорить о войне без слез, — столько горя она принесла. Вдруг, не закончив фразу, он останавливается, успокоится немного и начинает говорить. А вспомнить-то есть о чем. Не было Антону и восемнадцати, когда пришла повестка из военкомата. Мальчишка с материнским жлом со: «На фронт, скорее бы, послать хочу». И все казалось, что фронт — это обязательно поляны, романтика.

Из Шапорежки (так называлась деревня возле Рухи) ушли тогда все родственники Антона, остались одни пацаны, которые тоже мечтали о фронте. Послали призывников проехать в Шапорежку, их отправили жеманной дорогой. Идут изобразили стресс под песню, а семья матери — слезы на ходу утирают: «Мальчишка, ослышка, где же вы

завтра будете?»

После Алма-Атинского нехотного увольнения Антона Черепанова отправили на фронт, и пошел он в связисты. Человеку звонящему, фронтовику, объяснять не надо, что такое связь во время боя. Обеспечить, чтобы бы то ни стало — и баста. Порыв — и ползешь копать его, вытаскивать за концы провода, зачищать зубами — и готово.

Однажды, как обычно, пропала связь, а только что выдал снаг. Схватился Антон за провод и бегом по этому снагу. Со всего разбега он наскочил на куту, от толчка снаг обвалился и обжигаясь трупами наших солдат, которых собирались похоронить в одной братской могиле. Что почувствовал парень, одному Богу известно.

С сорок третьего до сорок седьмого ткнулось нелегкая армейская жизнь. После контуза и ранения летел в госпиталь. Да ведь как случилось (будь он нелегким тот случай), похоронила Антона тужал сестрица. И после боя, не досчитавшись солдата, отправили матери Антона, Марии Степановне, первую похоронку. Сколько слез она пролила тогда, когда не получила письма от своего мужа, Лаврентия Софья, который лежал после ранения в госпитале. И писал он, что надеждо, мол, совсем получил письмо от Антона, который тоже ранен и лежит в госпитале.

Внезапное недоразумение и калейдоскоп материнскому

счастью. Так ведь еще одна похоронка позже пришла на сына, но Мария Степановна не стала ей верить, и правда оказалась. Пришел домой Антон, остался живым, всем смертям назло.

Но, видно, бумага у нас сильнее человека, уж сколько лет прошло, а фамилия Антона Лаврентьевича все числилась до прошлого года в списках погибших. И не выкопал младший брат, Владимир, когда прочитал законную фамилию в этих списках, которые готовятся для Книги Памяти, пошел в военкомат, позвонил в редакцию. Вот так мы узнали о судьбе младшего сержанта А. Л. Черепанова.

И в гостях у него довелось побывать. Как саятинку, хранит Антон Лаврентьевич армейскую книжку, на первой странице которой благодарность тов. Сталина: «За отличные боевые действия в боях при прорыве оборонительных и арьергардных позиций в Восточную Прусию, 23.10.44 года».

Бережно хранит он и три боевых медали. Но по-прежнему самая дорогая награда, что я остался живой», — сказал Антон Лаврентьевич. Напомнил и добавил: «Из всей Шапорежки только три молодых тогда и вернулись — Михаил Герасимов, Георгий Галин и я».

Подводит сейчас Антон Лаврентьевич итоги, и к Дню Победы хочется пожелать ему самого главного — доброго здоровья.

М. АБЗАЛИМОВА.